

ПРАВОСЛАВИЕ ВО ВЗГЛЯДАХ АДМИРАЛА А. С. ШИШКОВА

А. Е. Гребенщиков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 сентября 2015 г.

Аннотация: в статье анализируются взгляды адмирала А. С. Шишкова на роль православной веры в России. Православие рассматривается как основа его консервативно-националистического мировоззрения и антизападничества. «Вера предков» являлась для Шишкова важным основанием русского патриотизма, превосходства России над другими странами и отождествлялась с особым путем развития страны. Во многом православный национализм адмирала опирался на неприятие идеологии западного Просвещения и порожденного им революционного насилия. Согласно его взглядам, неизблемость русской веры была гарантией от революционных потрясений в России. В статье также затрагиваются эпизоды борьбы Шишкова с экуменической политикой императора Александра I и его деятельность на посту министра народного просвещения (1824–1826).

Ключевые слова: А. С. Шишков, православие, консерватизм, национализм, патриотизм, экуменизм.

Abstract: this article analyzes the views of Admiral A. S. Shishkov on the role of the Orthodox faith in Russia. Christianity is seen as the foundation of his conservative-nationalist ideology and anti-Westernism. «Faith forefathers» was an important base for Shishkov Russian patriotism, Russian superiority over other countries, and is identified with a particular way of development. In many respects, admiral Orthodox nationalism was based on the rejection of the ideology of the Western Enlightenment and revolutionary violence generated by them. In his view, the inviolability of Russian faith was the guarantee of the revolutionary upheavals in Russia. The article also addresses the fight scenes Shishkov with the ecumenical policy of the Emperor Alexander I and his work as Minister of Education (1824–1826).

Key words: A. S. Shishkov, orthodoxy, conservatism, nationalism, patriotism, ecumenism.

Адмирал Александр Семенович Шишков (1754–1841) был видным представителем консервативных общественно-политических сил конца XVIII – первой четверти XIX в. Его взгляды, изложенные в обширных публицистических трактатах и в ходе государственной деятельности при императорах Александре I и Николае I, стали отправной точкой формирования национал-патриотической идеологии в России. Базовым элементом в них выступала православная вера.

Современник Шишкова Д. Н. Свербеев отмечал, что он «бессознательно первый воплотил в себе тричастный русский символ “православие, самодержавие, народность”, который стал программой царствования Николая, девизом Уварова и славянофилов» [1, с. 170]. Свербеев одним из первых указал на националистическое понимание адмиралом «веры предков», где самодержавие объявлялось «божественным правом», а русский народ – «божьим избранныком» [там же, с. 177].

Дореволюционная историография не столь комплексна в оценках религиозных взглядов Шишкова. Двоюродный брат революционера Н. Г. Чернышевского А. Н. Пыпин считал их «обскурантскими» [2, с. 717]. Биограф адмирала В. Я. Стоюнин называл

его «строгим ортодоксом», неспособным углубляться в религиозные рассуждения [3, с. 276]. В Советское время Шишков рассматривался как идеолог эксплуататорских классов. Его идеи объявлялись «феодално-церковными» [4, с. 6].

Подобные оценки религиозных взглядов Шишкова на данный момент являются господствующими в исторической литературе. Лишь некоторые современные исследователи попытались отойти от привычной схемы «очернительства» православных убеждений адмирала и обидных клише, которые использовались либералами и марксистами. В трудах Ю. Е. Кондакова [5; 6] Шишков представал перед читателями одним из ярких лидеров «православной оппозиции» мистико-экуменическому курсу верховной власти. Воронежский профессор А. Ю. Минаков полагал, что православие было для адмирала важным элементом националистического дискурса, ставшего ответом на «просвещенческий проект» [7, с. 145], а также частью конструируемой им консервативно-националистической традиции [8, с. 14].

С нашей точки зрения, роль православной веры во взглядах Шишкова не сводилась к одной лишь защите феодальных порядков, «правил старины» и господствующих классов. «Вера предков» в понимании адмирала во многом выступала как некий

феномен русской уникальности, «самобытности», национального единства россиян, социальной стабильности и даже превосходства отечественной модели развития над другими цивилизационными проектами.

Уже в молодости религия являлась для Шишкова своеобразным маркером той или иной цивилизации. С «богоборческим» Западом он имел возможность познакомиться во время своего участия в средиземноморской экспедиции русских военных кораблей, замаскированных под торговые суда (1776–1779). В греческом порту Мандра он не мог «надивиться буйству и злочестию безбожных французов», которые обезобразили греческие православные часовни ругательными надписями [9, с. 29]. В «кошунственном» изображении Христа Спасителя, «просившего милостыню» в одном из храмов Падуи, Шишков видел своего рода «культ наживы»: «Признаюсь, что такое средство к приумножению церковных доходов показалось мне больше корыстолюбием, нежели набожностью придуманным» [там же, с. 105].

На этом фоне Восток в лице Османской империи вызывал у него уважение своей веротерпимостью к православной Пасхе. Вспоминая эпизод с обезображенной французами греческой церковью, Шишков ставил турок им в пример: «Для чего турки не обезобразили сих часовен»? [там же, с. 29]

Однако некоторая «статика» развития исламского мира не вызывала его симпатий. Турок он считал ленивыми, чванливыми, надменными по отношению к слугам, а мусульманских женщин, которых «не можно иначе видеть, как только на улице и то с закрытым лицом», чересчур набожными [там же, с. 37–62]. Шишков видел превосходство православной России над «народом, который мы всегда побеждать привыкли» [там же, с. 41]. Он заявлял о ее мессианском предназначении: «обратить» главную мечеть Стамбула, именуемую у христиан храмом Св. Софии, «в прежнюю православную церковь» [там же, с. 39].

Таким образом, православие во взглядах Шишкова, с одной стороны, противопоставлялось атеистическим и реформационным проявлениям западной жизни, а с другой – некоторой «застойности» Востока.

Между тем «вера предков» в его мировоззрении была связана с традиционными представлениями русского народа об отношениях монарха и подданных. Он полагал, что сильная самодержавная власть в России имеет божественное происхождение. «Все-сильный Бог, благословившей Ея владычествовать над нами, за благоденствие подданных да награждает Ее непрестанно дарами щедроты Своей», – восхвалял Шишков в своем раннем литературном начинании – драме «Невольничество» (1780) – екатеринский абсолютизм [10, с. 21]. В «Оде на покорение Польши» (1793) православием осенялся патернализм

верховой власти в отношении подданных [11]. Екатерина II объявлялась «пастырем», а вверенный ей Богом народ – «стадами тельцов и агнцов» [там же, с. 144].

Французская революция 1789 г. усилила «охранительные» ноты в православно-националистической риторике Шишкова. Он уже не критиковал пороки российского общества: мздоимство судей или падение нравов в екатерининскую эпоху, – как это было в его стихотворении «Старое и новое время» [12]. На фоне якобинского террора «стабильная», благодаря народной религиозности, Россия казалась ему почти идеальной страной: «Какая может с ней сравниться земля обилием отрад? <...> Блаженная из всех страна. <...> В любви к царю и Богу тая, какой народ <...> в толиком счастья цветет?» [11, с. 143]

По сути, православие признавалось им залогом социальной стабильности. Впоследствии, защищая крепостное право в Государственном совете (1820), он ссылаясь на Библию как источник повинения властям: «Божественное писание говорит: повинуйся властям, начало премудрости – страх Господень» [13, с. 128]. По мнению Н. В. Овчинникова, позиция Шишкова по крестьянскому вопросу опиралась на его религиозные представления о «несовершенстве мира»: «сильные и слабые всегда имеются в несовершенном земном мире, и крепостнический строй – лишь некоторая социальная проекция этого несовершенства» [14, с. 281].

Между тем православные взгляды Шишкова были враждебны рационалистической и атеистической философии западного Просвещения. «Реки» «крови», по его мнению, были уготовлены Европе трудами просветителей, которые подобно «суемудрым» «икарам», «противясь Богу, на небо воспарить хотели и в буйстве небеса хулили» [11, с. 146].

С российскими приверженцами западного Просвещения адмирал вел литературную полемику почти всю первую половину царствования Александра I. По его словам, они питали «наклонность к безверию, к своевольству, к повсеместному гражданству, к новой и пагубной философии» [15, с. 182]. Отвлеченным принципам их рационалистического мировоззрения Шишков противопоставлял универсальность православной веры, как «единственного человеческого благополучия источник, из которого народоправитель почерпывает мудрость, закон, силу, судья правду, полководец мужество, земледелец трудолюбие, воин храбрость и бесстрашие» [там же, с. 174].

Усилия сторонников идеологии Просвещения по улучшению человеческой природы без опоры на веру он признавал абсурдными: «Кто накажет в сердце человеческом лукавство, обман, лесть, зависть, злобу, и тысячи гнездящихся в нас пороков»? [там же, с. 177] Таким образом, православная вера и религиозность

вообще для Шишкова выступали необходимыми источниками развития человечества.

В ходе дискуссии адмиралу удалось выработать консервативно-националистическую доктрину превосходства православной России над «бездуховным» Западом, отвергающую общность их дальнейших исторических судеб. Ее суть он выражал так: «Благодаря Святой Вере, научающей нас воздавать Божие Богу и Кесарево Кесареви, благодаря наследственным нам от предков наших благим нравам, Россия еще не такова» [16, с. 243].

Накануне грозных событий 1812 г. Шишков сформулировал мысль о тождестве православия и русского патриотизма. По его мнению, из «любви к вере <...> проистекает любовь к Государю, к сему поставленному от Бога отцу и главе народной. Любовь к отечеству, к сему телу великому, но не крепкому без соединения с главою своею. И, наконец, любовь к ближнему, под которою разумеются сперва сограждане, а потом и весь род человеческий» [15, с. 180].

Национально-патриотический пафос «рассуждений» Шишкова о православии предопределил его назначение на высшую должность Российской империи – пост Государственного секретаря (9 апреля 1812 г. – 30 августа 1814 г.). На этом поприще он выполнил роль своего рода главного пропагандиста войны с Наполеоном. Н. К. Шильдер отмечал, что благодаря писанным им от имени императора манифестам, «борьба с Наполеоном получила значение народной и священной войны» [17, с. 88]. А. Ю. Минаков указал на особую роль религии в восприятии событий тех лет, «как столкновения двух миров с диаметрально противоположными приоритетами» [18, с. 180]. По его словам, адмирал противопоставлял православную Россию Франции и Наполеону, которые «изображались как порождение дьявольского начала, как средоточие мирового зла, а революция как вселенская катастрофа» [там же].

Нужно отметить, что православие в манифестах Шишкова являлось неким символом национального единства и своеобразной «духовной скрепой» для разделенного сословными барьерами русского народа: «Войско, вельможи, дворянство, духовенство, купечество, народ, словом все государственные чины и состояния, не щадя ни имуществ своих, ни жизни, составили единую душу, душу вместе мужественную и благочестивую, толико же пылающую любовью к отечеству, колик любовью к Богу» [19, с. 70].

Уже в конце войны с Наполеоном православный консервативный национализм Шишкова вступил в противоречия с универсалистскими идеями верховной власти. Так, например, в 1813 г. Александр I заставил его вычеркнуть из «Приказа» войскам слова о «неизгладимости» в душе народа православной веры [20, с. 151]. А в середине 1820-х гг. адмирал

выступил главным противником космополитизма верховной власти в вопросах веры. Действовавшее под патронажем Александра I и объединявшее наиболее влиятельных чиновников так называемое Российское Библейское Общество, с его точки зрения, преследовало антирусскую цель: «Составить из всего рода человеческого одну какую-то общую республику и одну религию: мнение мечтательное, безрассудное» [13, с. 228].

Подобный экуменизм, согласно его взглядам, был квинтэссенцией политики религиозной свободы, которая привела Запад к революции и угрожала потрясения России: «Оно (мнение о “слиянии” вер и народов – А. Г.) сперва скрывалось под именем тайных обществ, масонских лож, новой философии. А потом обнаруженное укрылось под другие благовиднейшие имена либеральности, филантропии, мистики и тому подобные. Заразило многих, поработает царство наше чужеземцам, и угрожает теми же бедствиями, какие иногда в их землях свирепствовали» [там же].

Обширная деятельность в России иностранных проповедников, «мистиков» и «масонов», насаждавших в России от лица Библейского общества протестантизм и церковную реформацию, воспринималась им как унижение русского народа: «Разве мы какие-нибудь дикие народы без их учений обойтись не могущие»? [там же] В этой борьбе с масонами и мистиками адмирал, по словам А. Ю. Минакова, рассматривал православие как атрибут «русскости», средство национальной самоидентификации, а не как вселенскую религию [8, с. 14].

В бытность свою министром народного просвещения (1824–1826) Шишков пытался утвердить в государственной политике свое видение православия, как единственно верного учения. Он противостоял сектам и расколам, оказывал поддержку православному духовенству в западных губерниях, предпринимал попытки сделать православие обязательным предметом в училищах, а также добился запрета печатания некоторых книг, которые считал чуждыми русской вере. Осенью 1825 г. переведенное с церковно-славянского на современный русский язык Св. Писание было публично сожжено в Александро-Невской лавре. Ибо Шишков считал, что «светский» русский язык не соответствовал важности церковной службы и был более пригодным для театра. Однако добиться запрещения самого «рассадника зла» «Библейского общества» он смог лишь 12 апреля 1826 г., т.е. после декабрьских событий на Сенатской площади, подтвердивших опасения Шишкова на счет «крамольных замыслов» «тайных обществ», в том числе религиозного толка.

Таким образом, православная вера во взглядах Шишкова являлась стержневым элементом россий-

ской государственности и конструируемой им консервативно-националистической идеологии. Реализация его понимания роли православной веры в России должна была способствовать единению русских людей на принципах, враждебных западному либерализму, а также повести страну по эволюционному пути развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Свербеев Д. Н.* Первая и последняя моя встреча с А. С. Шишковым / Д. Н. Свербеев // Русский архив. – 1871. – Вып. I. – С. 162–182.
2. *Пыпин А. Н.* Российское Библейское общество, 1812–1826 / А. Н. Пыпин // Вестник Европы. – 1868. – № 12. – С. 708–768.
3. *Стоюнин В. Я.* А. С. Шишков. Историческое сочинение / В. Я. Стоюнин. – СПб., 1889. – 371 с.
4. *Благой Д. Д.* Социально-политическое лицо Арзамаса / Д. Д. Благой // Арзамас и арзамасские протоколы. – Л. : Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. – 304 с.
5. *Кондаков Ю. Е.* Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825) / Ю. Е. Кондаков. – СПб., 1998. – 228 с.
6. *Кондаков Ю. Е.* Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время / Ю. Е. Кондаков. – СПб., 2000. – 312 с.
7. *Минаков А. Ю.* А. С. Шишков как идеолог и практик русского консерватизма / А. Ю. Минаков // Научные ведомости. – 2009. – № 7 (62). – С. 143–150.
8. *Минаков А. Ю.* Возникновение русского консервативного национализма в первой четверти XIX века в России / А. Ю. Минаков // Вестник российского государственного университета им. И. Канта. – 2009. – Вып. 12. – С. 12–17.
9. [Шишков А. С.] Записки адмирала А. С. Шишкова, веденные им по время путешествия его из Кронштадта в Константинополь. – СПб., 1834. – 117 с.
10. [Шишков А. С.] Невольничество. Драма в одном действии // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова Российской императорской академии президента и разных ученых обществ члена. Ч. XII. – СПб., 1828. – С. 1–32.
11. [Шишков А. С.] Ода на покорение Польши // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова

Российской императорской академии президента и разных ученых обществ члена. Ч. XIV. – СПб., 1831. – С. 143–154.

12. [Шишков А. С.] Песня. Старое и новое время. Перевод с французского // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова Российской императорской академии президента и разных ученых обществ члена. Ч. XIV. – СПб., 1831. – С. 133–138.

13. [Шишков А. С.] Записки, мнения и переписка адмирала Шишкова. – Берлин : Изд-во Н. Киселева и Ю. Самарина, 1870. – Т. 2. – 464 с.

14. *Овчинников Н. В.* Вдохновитель побед русского оружия / Н. В. Овчинников. – М., 2012. – 288 с.

15. [Шишков А. С.] Рассуждение о любви к Отечеству, читанное в 1812 году в Беседе любителей русского слова // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова Российской императорской академии президента и разных ученых обществ члена. Ч. IV. – СПб., 1825. – С. 146–188.

16. [Шишков А. С.] Ответ на письмо господину Луке Говорову, напечатанное в Вестнике Европы апреля 1807 года. № 8. Под заглавием: Письмо из города N. N. в столицу // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова Российской императорской академии президента и разных ученых обществ члена. Ч. XII. – СПб., 1828. – С. 236–261.

17. *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование : в 4 т. / Н. К. Шильдер. – 2-е изд. – СПб. : Изд-во А. С. Суворина, 1905. – Т. 3. – 569 с.

18. *Минаков А. Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX века / А. Ю. Минаков. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011. – 560 с.

19. [Шишков А. С.] Краткие записки, веденные во время пребывания при блаженной памяти государя императора Александра Первого в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну. – СПб., 1831. – 301 с.

20. [Шишков А. С.] Законы и постановления. Собрание Высочайших Манифестов, Грамот, Указов, Рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов / [Изд. А. С. Шишков]. – СПб. : Морская тип., 1816. – [14], 212 с.

Воронежский государственный университет

Гребенщиков А. Е., аспирант кафедры истории России

E-mail: rus@hist.vsu.ru

Тел.: 8-919-235-14-07

Voronezh State University

Grebenshchikov A. E., Post-graduate Student of the Russian History Department

E-mail: rus@hist.vsu.ru

Tel.: 8-919-235-14-07